Высочайший манифест императора давно уже прибыл в город восточных варваров, но официальное послание, полученное в ответ, содержало лишь льстивые, заискивающие речи, с ним прислали богатые подношения, но ни в какую не соглашались признать, что имеют отношение к произошедшему в усадьбе у подножия Цаншань. Они не потрудились придумать ничего лучше, однако в одиночку руководящий школой меча в городе восточных варваров грандмастер не хотел поступаться гордостью и в то же время не желал, чтобы на земли, окружающие город восточных варваров, обрушились военные невзгоды, поэтому он хранил молчание.

Ситуация на севере была немного напряжённой: имелись доказательства, что Северная Ци вмешивалась во внутреннюю политику государства Цин, чтобы посеять хаос. И как бы они ни оправдывались, с обеих сторон от границы велась подготовка к войне. Между контролируемыми каждой стороной небольшими княжествами постоянно возникали мелкие стычки. Похоже, большая война могла начаться в самое ближайшее время.

Над северными границами Цин нависли тёмные тучи, а в столице настал разгар лета. Люди гуляли в своё удовольствие и вели обычную жизнь, наслаждаясь спокойствием и благополучием эры процветания. Фань Сянь тоже был частью этого, и хотя дело, начавшееся на улице Нюлань, завершилось не от его рук, но теперь он мог сказать себе и тем, кто погиб, что разобрался с ним. Пока он занимался этим делом, он многому научился. Хотя он делал каждый шаг сам, на самом деле он во всём опирался на силу Контрольной палаты. Он понял многое о том, каким образом работает Контрольная палата. Кроме того, что когда-то рассказывал ему учитель Фэй Цзе, теперь он и сам всё увидел вживую.

Стояла жара. Судебное дело между семьями Фань и Го наконец-то завершилось. В глазах многих людей оно уже не стоило упоминания. Раз Фань Сянь был назначен главным наблюдателем Жертвенного приказа, то в будущем, конечно же, он женится на принцессе. Разве эта ничтожная семья Го посмеет противиться воле дворца? Поэтому они уже давно отозвали свою жалобу, и Фань Сянь наконец-то обрёл возможность покидать столицу.

После такого страшного происшествия Фань Сянь не побоялся сразу же выехать из столицы, надо сказать, это был очень смелый поступок. Но сейчас его неотступно сопровождали множество охранников, среди них были проверенные люди из имения Фань и служащие Контрольной палаты. Пользуясь текущим скрытым статусом начальника отдела Контрольной палаты, Фань Сянь помимо Ван Циняня набрал себе ещё подчинённых отовсюду.

В этот день на рассвете, пока палящее солнце ещё не взошло, три молодых хозяина имения Фань уселись в повозку и под защитой небольшого отряда охранников и Циняня выехали за стены города и доехали до родового имения Фань вблизи столицы. На самом деле они приехали не для того чтобы спасаться от жары, а чтобы поклониться предкам.

На кладбище охранники уже разложили фрукты и благовония, а также другие предметы для жертвоприношения. Фань Сянь молча разглядывал несколько новых надгробий и сердце его охватили сложные чувства. Устремления, сопровождавшие его в новой жизни, в эту минуту внезапно потеряли свою чёткость.

Дым от сожжённых ритуальных денег был очень густым, и Фань Сычжэ, не вынеся этот запах, сбежал в повозку. Фань Жожо стойко терпела гарь и, полуприщурив глаза, стояла перед надгробием, держась за рукав брата. Она знала, что погребённые здесь трое охранников умерли ради её брата, поэтому она испытывала большую признательность. К тому же она с малых лет воспитывалась на письмах Фань Сяня, поэтому не считала, что поклониться духам слуг — это что-то неуместное.

Среди дыма за спиной Фань Сяня молча стояли несколько новых охранников. Неизвестно, от дыма или от огня глаза нескольких из них немного покраснели. Взгляды, направленные на молодого господина, теперь были уже не те, что прежде. Спустя немного времени один из охранников попытался увещевать Фань Сяня:

— Молодой господин, вы пришли сегодня поклониться нашим собратьям и уже выполнили, что хотели. Дым очень густой, давайте лучше вернёмся в поместье.

Глаза Фань Сяня разъело от дыма, он с улыбкой потёр их и, послушавшись его, залез в повозку. В это время в повозке Фань Сычжэ как раз просматривал счета из книжной лавки Даньбо за этот месяц. Увидев брата и сестру, он пересел и вдруг тихо сказал:

— Брат, ты же сделал это специально, чтобы подкупить сердца своих подчинённых?

У Фань Сяня было мрачное настроение, он даже не улыбнулся ему, а просто взлохматил ему волосы и сказал:

— Эх ты, всегда нужно верить, что люди бывают искренними в своих поступках. Чёрствый человек вряд ли станет настоящим героем.

Фань Жожо шёпотом ответила:

— Почему мужчине не пристало проявлять сочувствие?

Фань Сянь удивлённо глянул на неё:

— Ты?

Фань Жожо наклонила голову и пояснила:

— Ты сам сказал это несколько дней назад, а я запомнила.

Обнаружив, что сестра такая внимательная и смышлёная, Фань Сянь очень обрадовался и тихо сказал:

— Запомни, это сказал человек по фамилии Чжоу*.

Фань Сычжэ зыркнул на них и пробурчал:

— Ой, опять псевдонимы? Когда уже ты наконец дашь мне следующие десять глав «Истории камня»?

У Фань Сяня сейчас не было настроения заниматься этим, но, услышав слово «псевдоним», он понял, что объяснять бессмысленно, и каждый раз упоминать, кто что написал, действительно излишне. Сейчас он слегка возмутился и продолжил поучать Фань Сычжэ:

— Наверное, можно подкупить сердца людей, но чувства это такая вещь, которая должна созреть естественным образом. Если человек станет бесчувственным, то не превратится ли он в монстра? Если тебе на всё в мире наплевать, если даже ближайших родственников не признаёшь, безразличен к жизни и смерти, то даже если станешь небожителем, какой в этом толк?

Фань Сычжэ возразил, качая головой:

— Но ты же не небожитель, откуда тебе знать, что они чувствуют?

Фань Сянь быстро нашёлся с ответом:

— Я не небожитель, я человек, поэтому я знаю, как бы чувствовал себя человек, став небожителем: даже состариться не получается, наверняка ощущения так себе.

Сказав это, Фань Сянь внезапно подумал про У Чжу и почувствовал сильное беспокойство и угрызения совести. Его тревожило, что будет в будущем с дядей У Чжу, когда тот состарится. Неужели он и правда превратится в неразговорчивого одинокого старика? Но только У Чжу продолжал скрываться в ночной тьме, и у Фань Сяня не было возможности самому отыскать его.

Повозка отъехала от родового кладбища и поехала по широкой дороге через поля, с трудом добираясь до посёлка. Как только повозка съехала с крутого склона вниз, к границе поселения, их встретили местные жители, уже давно поджидавшие их. Здесь жили не только крестьяне, но и обнищавшие семьи из рода Фань, которые не смогли прижиться в столице среди знатных и богатых родственников. Им только и оставалось, что поселиться рядом с хутором, но земли у них не было, и гордость не позволяла им наравне с крестьянами работать на земле и платить аренду. Фань Цзянь, граф Сынань, хотя и не был хозяином, который не жалеет никаких денег, чтобы заботиться о бедных родственниках, но не мог смотреть, как люди умирают с голоду, поэтому эти люди из рода Фань помогали Фань Цзяню присматривать за посёлком и вести дела и каждый месяц получали небольшой доход.

Как ни странно, Фань Цзянь никогда не напоминал Фань Сяню о том, что нужно съездить поклониться предкам, а сам Фань Сянь тоже забыл. Изначально у него в душе были некоторые необъяснимые сомнения, но сейчас в столице уже никто не мог с пренебрежением смотреть на него как на незаконнорождённого, а внутри рода Фань тем более знали, что в будущем он будет страшно богатым и могущественным и им останется только полагаться на этого старшего молодого господина, поэтому и сейчас относились с почтением.

Приняв от старосты чашку чая и выпив её одним махом, Фань Сянь, приветственно кивая на все стороны, повёл за собой группу охранников и дошёл до маленького домика у западной опушки леса. Это был дом Тэн Цзыцзина. Войдя во двор, он увидел, что Тэн Цзыцзин уже давно поправился. Тот, следуя этикету, стоял посреди двора, ожидая гостей. Увидев Фань Сяня, он, смутившись, сказал:

— Молодой господин, я хотел вас встретить, но сын не пустил меня.

Фань Сянь, не тратя время на церемонии, помог ему войти в комнату, объясняя:

— Не вини сына, это я его попросил.

Сын Тэн Цзыцзина был новым охранником из подручных Фань Сяня, он заранее приехал в этот посёлок, чтобы подготовить всё к приезду хозяина. Фань Сянь, видя, что Тэн Цзыцзин слегка располнел, спросил:

— Как твоя нога?

Тэн Цзыцзин усмехнулся:

— Ничего, уже могу двигаться, наверное, через несколько дней смогу вернуться в столицу.

— Если тебе кажется, что здесь лечиться плохо, то лучше уж вернуться выздоравливать в столицу.

Во время этих слов жена и дочь Тэн Цзыцзина пришли поприветствовать хозяина. Фань Жожо в сторонке раздавала деньги. Потом она притянула к себе пятилетнюю дочь Тэн Цзыцзина, спросила у неё что-то, а затем взяла на руки и вышла, оставив мужчин в комнате одних.

Фань Сычже снова погрузился в работу над счетами, даже на приветствия Тэн Цзыцзина лишь угукнул. Фань Сянь невольно глянул на младшего брата, слушая объяснения Тэн Цзыцзина:

— Сейчас я сижу в посёлке без дела, всё же жена и дочь тоже здесь. Рана зажила, конечно же, я вернусь в столицу служить молодому господину.

Эти двое, можно сказать, побывали вместе на грани смерти, поэтому напрямую говорили друг другу, что думали. Фань Сянь покивал и восторженно сказал:

— В конце концов, ты тоже можешь просто наслаждаться семейным теплом и теплом лежанки с подогревом.

Тэн Цзыцзин со смехом сказал:

— Сегодня жарко, если ещё и лежанка с подогревом, то можно и поджариться.

В Даньчжоу был прекрасный климат: мягкая зима и прохладное лето, никто не использовал лежанки с подогревом. Фань Сянь приехал в столицу с началом весны, поэтому так и не имел возможности поспать на такой. А сейчас, услышав эти слова, он сел на пыльную лежанку и заметил, что от неё исходит приятная прохлада. Мечтательно закатив глаза, он подумал, что если после свадьбы они какое-то время будут жить на горе Цаншань, то обязательно нужно будет обзавестись такой.

Тэн Цзыцзину было и невдомёк, что Фань Сянь мыслями унёсся в будущее после десятого месяца к заснеженным зимним горам. Он сказал:

— Молодой господин, задержитесь немного, чтобы поесть фруктов, и скорее возвращайтесь в столицу. В посёлке нечем вас угостить. К тому же, если вы задержитесь на несколько часов, то в столицу прибудете поздно и вас могут не пропустить в ворота.

Фань Сянь с улыбкой отмахнулся:

— Я заранее предупредил отца, что сегодня мы втроём переночуем в посёлке, а завтра вернёмся. Предыдущие несколько месяцев выдались тяжёлыми, редко выдавалась возможность побыть в тишине и покое. Хотя не решусь остаться здесь надолго, но на один вечер я стесню тебя.

Как только Тэн Цзыцзин узнал, что Фань Сянь остаётся на ночь, он сразу же позвал жену и велел ей приготовить комнату для гостей, горячую воду и прочее. Хотя жизнь в посёлке была небогатой, однако если взяться всем вместе, то любое дело нипочём: услышав, что молодой господин поместья Фань собирается остаться на ночь, хозяйки десятка с лишним домов начали хлопотать и быстро приготовили всё необходимое.

Фань Сянь закатил глаза и сказал Тэн Цзыцзину на ухо:

— Помоги моим людям найти место для ночлега.

---

*Чжоу Чжаншоу, известный под псевдонимом Лу Синь, написал стих, где первая строчка переводится как: «Чёрствый человек вряд ли станет настоящим героем», а вторая - «Почему мужчине не пристало проявлять сочувствие?».

http://tl.rulate.ru/book/96718/1569580